

Ханну Райаниеми

ФРАКТАЛЬНЫЙ ПРИНЦ

fanzon

Москва
2022

Толи, живущему в наших историях

Его портрет? Как мог бы я его изобразить? Я видел Арсена Люпена раз двадцать, и двадцать раз передо мной предстал другой человек... либо, скорее, всё тот же, от которого двадцать разных зеркал донесли до меня столько же искажённых отражений.

МОРИС ЛЕБЛАН
Арест Арсена Люпена.

Когда мы смотрим на фрактал, мы должны вглядываться в одно зеркало, не обращая внимания на второе, стоящее где-то далеко позади.

КРИСТИАН БЕК
Кристаллография.

Пролог

Спящий принц

Этой ночью Матчек ускользает из своего сна, чтобы снова навестить вора. Во сне он видит себя в книжном магазине. Это тёмное неприбранное помещение с низким потолком и ветхой лесенкой, ведущей к небольшой мансарде. Полки прогибаются под тяжестью запылившихся фолиантов. Из дальней комнаты тянется пьянящий аромат благовоний, смешиваясь с запахами пыли и плесени.

Прищурившись в тусклом свете, Матчек разглядывает рукописные указатели на полках. Они немного изменились с прошлого раза, как изменился и список эзотерических тем. «Огнеглотатели». «Человек-ядро». «Невосприимчивые к ядам». «Езда по стенам». «Чудеса разума». «Освобождение от оков».

Он тянется к небольшому томику, название которого, выведенное округлыми золотыми буквами, гласит: «Тайная история пушки Заккини», и его пульс заметно учащается. Эти истории в снах нравятся Матчеку, хотя после пробуждения он не может их вспомнить. Он открывает книгу и принимается за чтение.

«Человек-ядро никогда не любил её, несмотря на то что говорил о любви не один раз. Единственной его любовью

оставалось ощущение полёта, когда его выбрасывало из огромной железной пушки, которую его дед изготовил из металла, по преданию, добытого из упавшего с неба камня. Человек-ядро хотел обзавестись женой, поскольку так было принято и это помогло бы ему поддерживать в рабочем состоянии великолепный механизм, образуемый им самим и пушкой, но назвать это любовью было бы неправильно...»

Матчек моргает. Это не та история. Она не приведёт его к вору.

От неожиданного кашля за спиной Матчек вздрагивает и резко захлопывает книгу. Если он обернётся, то увидит сидящего за прилавком тощего владельца магазина, который неодобрительно посматривает в его сторону безумными глазами, увидит седые волосы на его груди, пробивающиеся сквозь петли грязной рубашки, увидит небритое злое лицо и проснётся.

Матчек качает головой. Сегодня он не просто смотрит сон. Он здесь по делу. Он осторожно ставит книгу обратно на полку и начинает подниматься по ступенькам лесенки.

Дерево отзывается скрипом на каждый его шаг. Матчек чувствует себя неуклюжим. Перила под его рукой внезапно становятся мягкими. Стоит допустить оплошность, и он рискует провалиться в другой, более глубокий сон. Но вот среди серых фолиантов, сверху на крайней полке, где заканчивается лестница, он видит голубой проблеск.

Хозяин магазина внизу заходится отрывистым влажным кашлем.

Матчек поднимается на цыпочки и кончиками пальцев тянется к голубому переплёту. Книга падает с полки, а вместе с ней вываливается целый каскад других томов. Пыль мгновенно забивает глаза и горло. Он начинает кашлять.

ПРОЛОГ. СПЯЩИЙ ПРИНЦ

— Что ты делаешь там, наверху, парень? — раздаётся скрипучий голос, сопровождаемый шаркающими шагами и стоном половиц.

Матчек опускается на колени, разбрасывает книги о блошиных цирках и поющих мышах и отыскивает голубой томик. Сквозь царапины и потёртости на обложке проглядывает коричневый картон, но серебряные минареты, звёзды и месяц остались всё такими же яркими.

По лестнице поднимается нечто, пахнущее благовониями и пылью, но это не хозяин магазина, а что-то намного хуже, что-то сухое и старое, как пергамент...

Не сводя глаз с книги, Матчек резко раскрывает её. Слова с пожелтевшей страницы устремляются ему навстречу потоком чёрных шевелящихся насекомых.

«Одна из легенд о древних народах повествует о царе из династии Сасанидов, повелевавшем армиями солдат и слуг, у которого было двое сыновей — старший и младший...»

Слова взвиваются вихрем. Бумага и буквы становятся объёмными, принимают форму руки с чёрными и белыми пальцами и устремляются к Матчеку из книги.

Пыльное существо кашляет и шепчет, что-то щекочет плечо Матчека. Он изо всех сил сжимает протянутую руку, острые края пальцев-слов впиваются в ладонь. Но он не выпускает их, и рука внезапно увлекает его в простирающийся впереди океан символов. Слова перекатываются через него, словно...

...волны, вокруг босых ног бьются клочья прохладной пены. Над ним тёплое вечернее солнце, навстречу широкой улыбкой расстилается белый песчаный пляж.

— Я уже пробыв здесь некоторое время и думал, что ты так и не соберёшься это сделать, — произносит вор.

Он сжимает руку Матчека в крепком рукопожатии. Это худощавый мужчина в шортах и белой рубашке, глаза скрыты за линзами солнцезащитных очков, синими, как книга из сна.

Полотенце вора расстелено на песке неподалеку от пустых шезлонгов под зонтиками. Они с Матчеком садятся рядом и наблюдают, как солнце опускается в море.

— Я частенько бывал здесь, — говорит Матчек. — Раньше, как ты понимаешь.

— Я знаю. Я почерпнул это из твоих воспоминаний, — отвечает вор.

И пустой пляж внезапно заполняется, как в те субботние дни, когда Матчек приходил сюда с отцом. Сначала они посещали рынок, где торговали всевозможной техникой, потом раскладывали свои приобретения на песке и испытывали в волнах плавающих дронов или просто наблюдали за паромами и водными мотоциклами. Но, несмотря на ощущение песка между пальцами ног, несмотря на запах солнца, пота и соли на коже и красную линию скал на другом конце пляжа, что-то кажется Матчеку неправильным, не таким, как прежде.

— Ты хочешь сказать, что украл всё это, — говорит Матчек.

— Я думал, что тебе это уже не нужно. Кроме того, я надеялся порадовать тебя.

— Да, наверно, так и есть, — соглашается Матчек. — Но кое-какие детали переданы неверно.

— В этом ты должен винить свою память, а не меня, — возражает вор.

Его слова вызывают у Матчека беспокойство.

— Ты тоже выглядишь несколько иначе, — говорит он, просто чтобы что-нибудь сказать.

ПРОЛОГ. СПЯЩИЙ ПРИНЦ

— Это помогает, если не хочешь быть пойманным, — отвечает вор.

Он снимает очки и убирает их в нагрудный карман. Он действительно немного изменился, хотя Матчек мог бы поклясться, что тяжёлые веки и лёгкий изгиб губ остались такими же, как прежде.

— Ты никогда не рассказывал, как тебя поймали, — говорит Матчек. — Только о самой тюрьме и о том, как тебя вытащила оттуда Миели¹. И о твоём путешествии на Марс в поисках воспоминаний, необходимых, чтобы украсть что-то для её босса и обрести свободу.

— И что было дальше? — Вор улыбается, как будто только одному ему понятной шутке.

— Ты отыскал свои воспоминания, но другой ты тоже пытался ими завладеть. Поэтому ты запер его в тюрьме и получил только Ларец, в котором заключен бог. И воспоминание о том, что тебе необходимо попасть на Землю.

— У тебя *действительно* хорошая память.

В висках у Матчека неожиданно начинает стучать гнев.

— Прекрати надо мной насмехаться. Я не терплю, когда люди смеются надо мной. А ты даже не человек, а просто моя выдумка или то, о чём я прочел в книге.

— А разве в школе тебе не объясняли важность выдуманных вещей?

Матчек фыркает.

— Только для читрагупт. Великая Всеобщая Цель почти достигнута. Смерть реальна. Враги реальны.

— Я вижу, ты способный ученик. Так что же ты здесь делаешь?

Матчек поднимается и сердито шагает к морю.

¹ Разум (*фин.*).

ФРАКТАЛЬНЫЙ ПРИНЦ

— Знаешь, я ведь мог бы рассказать им о тебе. Другим ченам. И они уничтожили бы тебя.

— Если сумели бы поймать, — уточняет вор.

Матчек разворачивается. Вор смотрит на него снизу вверх, щурясь от солнца, склонив голову набок и усмехаясь.

— Расскажи мне о том, что произошло в прошлый раз, — говорит Матчек.

— Ты должен меня попросить.

Матчек готов высказать вору всё, что думает: что тот всего лишь плод его воображения и Матчек не должен ни о чем просить. Но вор смотрит так весело, совсем как маленький Будда, всегда стоявший в саду его матери, что слова замирают у него на губах, и он только резко втягивает воздух. Матчек медленно возвращается к расстеленному полотенцу, садится и обхватывает руками колени.

— Ладно, — соглашается он. — Расскажи, как тебя поймали в прошлый раз. Пожалуйста.

— Так-то лучше, — отвечает вор.

От солнца на горизонте остался только золотой отблеск, но вор всё равно надевает очки. Закатные лучи разливаются по морю жидкой акварелью.

— Хорошо. Это история, отрицающая смерть, как я, как ты, как все мы. Этому-то тебя учили в школе?

Матчек бросает на него нетерпеливый взгляд. Вор откидывается назад и усмешается. А затем начинает рассказ.

— Было так, — говорит он. — В тот день, когда за мной пришел Охотник, я убивал воображаемых котов в камере Шредингера.

Окружающий их виртуальный пейзаж меняется, иллюстрируя историю вора закатным сиянием, песком и морем.

Вор и Ларец

В тот день, когда за мной приходит Охотник, я убиваю воображаемых котов в камере Шредингера. Ку-щупальца, словно искры от трансформатора Теслы, тянутся от моих пальцев к небольшому Ларцу из лакированного дерева, парящему в воздухе посреди каюты. Позади слегка изогнутая стена с проекцией Магистрала — безостановочно движущейся реки космических кораблей и мысливихрей, светящегося штриха в темноте, участка гравитационной артерии Солнечной системы, по которой наш корабль «Перхонен»¹ движется от Марса к Земле. Но сегодня меня не трогает её великолепие. Мой мир сузился до границ чёрной шкатулки, в которой, судя по её размерам, может храниться обручальное кольцо, разум бога... или ключ к моей свободе.

Я слизываю капельки пота с губ. Всё поле моего зрения занимает паутина диаграмм квантового протокола. В голове звучат нескончаемый шёпот и бормотание гоголов-математиков «Перхонен». Чтобы помочь моим слишком уж человеческим органам чувств и мозгу, они сводят задачу к необходимости открыть японскую шкатулку-головоломку, выполненную

¹ Бабочка (*фин.*).

в технике йосеги¹. Квантовые протоколы фиксируют искривления и желобки в мозаике, болевые точки древесины, напоминающие напряжённые мускулы, движущиеся секции, похожие на слабые улыбки. И я должен отыскать единственно верную последовательность, открывающую шкатулку.

Кроме того, нельзя открывать шкатулку слишком быстро: деревянные детали связаны с бесчисленным множеством кубитов, каждый из которых одновременно является нулём и единицей, а движения представляют собой операции квантовой логики, выполняемые комплектом лазеров и интерферометров, смонтированных гололами в крылья корабля. Всё это равносильно процессу, который в древности называли квантовой томографией: попытка выяснить, как Ларец реагирует на зонды, внедрённые нами со всей осторожностью, словно отмычки в замок. Я чувствую себя так, будто жонглирую восьмиграновыми кубиками Рубика и одновременно пытаюсь их собрать.

И каждый раз, когда один из них падает, Бог убивает миллиард котят.

Гоголы выделяют часть диаграммы, и в паутине появляются красные нити. Я сразу же замечаю связь между двумя участками. Если повернуть это сюда, применить вентиль Адамара и *преобразовать...*

Воображаемое дерево скрипит и потрескивает под моими пальцами.

— Сезам, — шепчу я.

Дратдор, один из старейшин зоку², всегда любил поговорить, так что мне не составило труда получить от него описание Ларца (не упоминая, конечно, о том, что я украл его у зоку двадцать лет назад).

¹ Й о с е г и — традиционное японское искусство создания мозаики из разных сортов древесины.

² Клан (*яп.*).

1. ВОР И ЛАРЕЦ

«Представь себе камеру, — сказал он. — И посади туда кота. А вместе с ним установи механизм убийства: к примеру, пузырьёк с цианидом, соединённый с молоточком, и одиночный атом радиоактивного элемента. В течение следующего часа атом либо распадётся — либо нет, либо вызовет удар молотка — либо нет. В таком случае кот в камере будет либо жив, либо мёртв. Квантовая механика утверждает, что в камере нет никакого кота, только образ, объединяющий живого и мёртвого котов. Но мы не узнаем этого, пока не откроем камеру. А это приведёт к тому, что система останется в одном из двух возможных состояний. В этом и заключается мысленный эксперимент Шредингера».

На самом деле всё совсем не так. Кот представляет собой макроскопическую систему, и чтобы его убить или оставить в живых, нет никакой необходимости во вмешательстве таинственного наблюдателя: переход в какое-либо макросостояние происходит вследствие взаимодействия с остальной частью Вселенной, этот феномен получил название декогеренции. Однако в микроскопическом мире — для кубитов, квантово-механических эквивалентов нулей и единиц — кот Шредингера вполне реален.

В Ларце заключены триллионы воображаемых котов. Живой кот содержит закодированную информацию. Возможно, даже настоящий мыслящий разум. Кубиты Ларца остаются в состоянии неопределённости между небытием и существованием. Заключённый внутри разум ничего не замечает, последовательность квантовых вентиляй позволяет ему продолжать мыслить, чувствовать или дремать. Пока он остаётся внутри, всё хорошо. Но как только он попытается выбраться наружу, при любом взаимодействии с окружающим миром на него тоннами кирпичей обру-